

Татьяна
Селиванчик

ТАТЬЯНА СЕЛИВАНЧИК

МАЯТНИК НОЧЕЙ

СТИХИ

«Всего и надо, что взглядеться — боже мой,
всего и надо, что внимательно взглядеться —».

Ю. Левитанский

ББК 84Р7-5
С 55

Умение видеть окружающий мир во всей полноте его света и трагизма, не уходя от правды — вот такой взгляд и на саму суть жизни, и на творчество, и есть, быть может, ключ к постижению книги поэтессы Татьяны Селиванчик. Стремление понять другие души, жажда быть понятой другими — таков ритм сердцебиения этой книги. Каждой своей строкой поэт отстаивает истинные, непреходящие, вечные ценности. Неравнодушные, не боясь души трудиться — несчастый в наше время дар — присущи автору в полной мере.

С $\frac{4702010202-02}{M 217(05)-96}$ без объявления

ISBN 5-7055-1005-5

© Татьяна Селиванчик

Душа и голос

«Святая наука: расслышать
друг друга
Сквозь ветер на все времена»

Б. Окуджав

Похоже на то, что затем и пришли,
Чтоб в гонке и лепке гончарного круга
Господь научил нас услышать друг друга
Дотоле, как станем частицей земли.
Похоже на то, что не даром даны
И времени малость, и бремя в избытке,
Надежд и сомнений высокие пытки,
И тайны, что мы разгадать не вольны.
Безумие — гениям, пир — подлецам —
Не просто ошибка, потеха господня:
Спешащим урвать побыстрей и сегодня,
Неведом итог, где не спрятать лица!
...А чья-то, быть может, в неведомый час
Из треснувших, бранных осколков сосуда
Рванётся душа, не готовая к чуду,
Устало-отчаянной нотой звуча.
А там обнаружит и свет и покой
За всё, что казалось Сизифовой мукой
В старанье с любовью услышать друг друга,
В страданье, что нас не расслышал другой;
За то, что и в стужу горели свечей,
Из правды небесной берущей начало,
И не убоились хулы и печали,
С базарной себя не смешав толчеей.

* * *

Я не боюсь бесславы, маэты,
Того, что мало серебра в кармане...—
Хочу, чтоб не у финишной черты
Меня настигло чьё-то
пониманье.

И соль не в том,
чтоб краткий срок пути
Красиво или громко озаглавить:
Сказать своё
на вечной переправе
От сердца к сердцу
прежде, чем уйти.

НЯНИ

В памяти через года и утраты
Есть неизменное и болевое:
Детство, в пропахших лекарством палатах,
Дворик унылый с кирпичной стеною.
Кто-то взахлёб надрывается: «К маме!...».
И подключается многоголосье...
Словно в одном бесконечном вопросе
Наши глаза на окошко — часами.
...Няни в застиранных старых халатах,
Чуть отдающих борщами и хлоркой,
Рядом с бедою, недетскою, горькой —
Как они нас утешали когда-то:
Знали, что ждёт нас и всё понимали,
Пели нам песню: «Всё выше, и выше...»,
И материнских украдкой не брали —
за милосердие — мятых рублишек.
Может быть, помнились им медсанбаты
С общею болью, бинтами и бредом,
И потому продолженьем Победы
Их доброта к нам входила в палату...

ПРОТАЛИНЫ

Подставив горячие головы ветру,
Дивясь, изучаем проталины марта,
Как новые страны на тающей карте,
Никем до сих пор не открытое где-то...

А вишня в слезах, но ничуть не солёных,
С ветвями, дрожащими в лёгком ознобе,
Стоит в потемневшем последнем сугробе
В предчувствии солнца и листьев зелёных.

Я тоже надеюсь: смогу отогреться
И нет мне с весенним волнением сладу,
Так дышится в марте тревожно и сладко,
Что кажется близким далёкое детство.

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Как жаль мне тех, кто глядя на меня,
Не замечают света и огня,
А видят лишь безрадостный удел,
Отпущенный недоброю судьбою —
Безверию живу наперекор,
Мой каждый день — непримиримый спор,
И кто б с недоумением не глядел,
Иду своею трудною тропкою.

Но, если кто-то сильной назовёт,
Смыкает горечь немотою рот. —
В ответ на заблужденье «мудреца»
Качаю головою несогласно.
Не объяснить: через пласты обид
Во мне само терпение болит,
Преследуют сомненья без конца:
«А вдруг мои усилия напрасны?..»

Не так-то просто слабость побеждать,
И тех, и этих век разубеждать.
И всё-таки, благодаря таким,
Разноречивым, непохожим мненьям,
Я делаюсь действительно сильней,
И многое порой под силу мне,
Упорства дух — живуч, неутомим
И в пораженье, и в преодоленье.

* * *

Я перед вами, братья по перу,
Я вам вверяю большее, чем строки, —
Всё, чем жила, живу и с чем умру,
Не всё успев до горестного срока.
Само смятенье — к вам иду на суд,
Для вас привычный, ставший ритуалом,
И так боюсь: слова не донесут
И сотой доли моего накала!
А кто-то скажет

искренне, не зло,
Что, дескать, перебор, сгущенье
кашлок...—

Вина ли, что

в исповедальном часе
Похожи так судьба и ремесло?
...Как ни скажи, все истины — стары,
Великие — сильнее нас, бесспорно,
Но ищем понимания упорно
Мы — судьбы,
мы — загадки,
мы — миры.

И каждый верит, как и я сейчас,
Что слухом сердца вслушиваясь в слово,
Неравнодушие чьё-то судит нас
С участием и строгостью Светлова...

* * *

Пониманье без участия —
Соглядайство отчасти:
Угнетает.
Чаще ранит.
Лучше уж непониманье.
Или же простак открытый,
В меру умный, в меру сытый
и философом не слывший:
Он откликнется, услышав.
...Но всё больше в мире этом
Аналитиков, эстетов. —
В их бесстрастном «Понимаю...»
Слышу: «Руки умываю»,
Слышу: «Веру убиваю...»
Хоть бы дрогнули чуть-чуть!
Я всё реже к ним взываю
И отчаянно молчу.

МЕРКУЦИО

Герой, отнюдь не жаждавший наград,
Что дерзок был

и слыл в Вероне странным,
Ты умирал, Меркуцио, мой брат,
Рукой зажав полученную рану.
...Уже смыкалась вечность, как вода,
Слова твои — другим казались бредом:
Друзья, увы, не зрячи иногда,
Когда приходят истинные беды.
Ещё рывок, ещё — пусть малый — шаг,
Но камень твёрдый — под ногами зыбок...
«Опять дурит Меркуцио» —

в глазах
Привычность недоверчивых улыбок.
И странный взгляд Ромео...
и тоска:
Что маска. Что без маски. —
Всё едино... —

От раны отведённая рука,
Молчанье потрясённых и невинных.
...Таким полубезумцам испокон
Непонятым и чаще не любимым,
Конец печальный и неотвратимый
Высокой мерой предопределён:
Им тесен мир дельцов и подлецов,
Где клевета и ложь — страшной отравы,
И остаётся защищать по праву
Любви и чести

чистое лицо...

* * *

Я верить пытаюсь
былому битью вопреки,
Иначе и незачем
душу и сердце морочить...
И кто-то ведь прав
в разноречье судеб и пророчеств,
Уделов и дел
и найти летящей строки.
Кто ведаёт истин
последний, высокий предел,
Божественный замысел
лишь постигая натужно?
И чей горизонт
до ошибочной точки заужен,
А кто через каплю слезы
и миры разглядел?...
В риторике горькой,
которой вовек не избыть,
Нам грешным, земным,
но дошедшим до дерзкой попытки
Немногим дано разгадать,
словно древние свитки,
Не то, чтобы формулу соли,
а ближней судьбы.
...Прошедшие сами
ступени проклятых голгоф,
Хлебнув лишь отчасти,
себя возомнят мудрецами.
И чёрствостью чьей-то
так часто учёные сами,
Разложат тебя
и распнут на скрещении строф.

И ладно б, чужие —
(Привычна им рубка с плеча),
Но близкие — Господи! —
точкою зренья расхожей
Не пренебрегут,
свято веря, что чувствуют кожей
Твою непомерную муку.
И в этом печаль...
А дальше уже
не имеют значенья слова,
И, кажется, смысл
пониманья былого утрачен.
Но не усомнится в себе
оплошавшая зрячесть,
Как будто и вправду права,
как лихая молва...

* * *

В поединке с недобрым —
я знаю — невольно грубею,
Сокровенное прячу
за ширму лихой болтовни,
И в заведомой муке
лечу на чужие огни,
А в ночи перед чистой бумагой
по-детски робею.
Проклинаю тщету мелочей —
как подобье вериг,
Разговоры, нередко
пустым отдающие звоном...
И живу по
не мною придуманным,
странным законам,
Открывая саму себя, может быть,
только на миг.
Есть спасение в долгих,
бессонницей полных ночах,
Что роднят с тишиною и
мудростью сердце шальное,
И дыхание матери
слыша за тонкой стеною,
Выношу свои тайные беды
на слабых плечах.
Передышки не будет.
Проходит бросок за броском.
Устаю, спотыкаясь
на азбучных истинах вечных...
Да, грубею, грубею,
но чувствую, как человечность
Всё острее, неистовей, яростней в сердце моём.

Маме моей —
Зинаиде Георгиевне
Селиванчик

Чудак наивный на потеху всем,
Шутник ли и лукавый, и недобрый,
Или страдалец создал свой прообраз,
Когда придумал белку в колесе?
И гениален замысел и прост,
Но воплощенье — вряд ли лучше клетки:
Подмена права — вверх по хвойной
ветке —
На вечный поиск — выхода всерьёз.
И пониманье — этому сродни
В бытийном круге — безысходной гонки...
Но разве легче, что не мы одни
Предельно сыты щедростью солонки?
То ропщем, надрываясь, то молчим
И вечное укладываем в краткость,
То вопрошаем, мучаясь догадкой,
То, как умеем, молимся в ночи.
...К смиренью призывают небеса, —
Но как трудны истёртые ступени!
А постиженье великотерпенья
Я с детства знаю по твоим глазам...

* * *

Вот оно время, не чьё-нибудь,
наше,
Вот она правды тяжёлая чаша
Словно по кругу сегодня пошла —
Давимся жгущими сердце глотками,
Тиснем в пробелы чёрные
память,
Не отмахнуться мол, было не с нами,
А содрогнуться от наглости зла,
Иезуитского апофеоза,
Что отражён протокольною прозой
В скрытых когда-то страницах страны:
Время холуйства, допросов и стражи,
Сорванных звёзд с комиссарских фуражек.
Боже мой, это не выстонать даже! —
Ну неужели грехи прощены
Всем нераскаявшимся, виноватым,
Так упоённо стрелявшим в крылатых
И беззаконьем топтавшим народ?
Словно и не было — спрятались в щели,
Дожили многие и уцелели,
Всё повторили бы, если б сумели,
Через пол-века...
Да год ведь — не тот.
Памяти из поколений не выжечь,
Хочется верить, иначе не выжить,
Трудно,
но только ^{не} вспять, не назад!
...Чаша печальная ходит по кругу,
И не чужая, прошлая мука,
Только взглядимся лучше друг в друга:
Кто-то отводит от чаши глаза...

* * *

Сквозняками простуженный двор
Пуст, как будто хозяин покинул..
Только ярко цветут георгины,
Словно зябкому ветру в укор.
...Но взглядеться и тут же понять,
Что никем этот двор не заброшен —
Он окрашен ненастием дня
Да и временем малость подкошен.
Всё оттенки и метки свои
На живущее властно паносит.
...Вот и двери открытые в осень,
А в проёме хозяин стоит.
Он давно суетиться устал,
Ни богатства, ни славы не нажил.
Правда, руки испачканы сажей,
А душа, слава богу, чиста.
Что пережил, не ведает сам!
Было: торжествовали иуды.
Как пытали!
Он — чудом — оттуда...
Сколько ж видели эти глаза?...
Только он почему-то молчит,
И сентябрь затихает и стынет.
Только вспыхивают георгины
Словно память
в кромешной ночи...

Мы не прощались. Не простились.
А значит мы и не расстались:
Когда бы нас ни отпустили
Из тел, как будто из Бастилий,—
Нас не разнять условной далью.

Боль бытия, судеб похожесть
Порукой были — не заслугой,
Дар озарений волей Божьей
И чей-то пристальный, осторожный
Надзор за длежащею мукой.

Быть за условною межою —
С ума сводящею преградой
И жить с надорванной душою,
Плыть перегруженной баржою,
Где рай не отличить от ада.

Мы там и там — увы — чужие,
Тем и другим — всегда не в пору:
С болотных кочек, как с вершины,
Над нами скорый суд вершили —
Так раздражала непокорность.

...Страдание — не выбор. Данность,
В судьбины вросшие осколки.

Твержу, родная, неустанно
Глагол упрямый «Не расстанусь» —
До встречи, может быть, не долго.

О Р Г А Н

Бессилья волною окатит подчас,
Проглянет усталость
со дна моих глаз,
Сгустятся недобрые тени...
Но вспомнишь — такое случалось уже
В глухом тупике не дышалось душе,
Мотор не тянул
на крутом вираже,
А в музыке было
спасенье.
И вот уже снова
звучит надо мной
Органного голоса дождь проливной,
Он льёт, не смолкая, весь вечер...
То слышится, будто
штормит океан,
То видится,
белый бушует буран,
А это — неистовый, мудрый орган —
Потоками звуков — на плечи.
Забудусь...
И муку забуду свою.
Услышу, как флейтами
сосны поют
Увижу, как вспыхнуло солнце,
Как нас неустанно
вращает Земля,
Как долгую жажду
дождём утоля,
Колосьями жёлтыми плещут поля...
И всё это
миром зовётся.
Но вдруг
остановится сердце на миг

От звука, похожего больше на крик,
Что словно от пули смолкает...

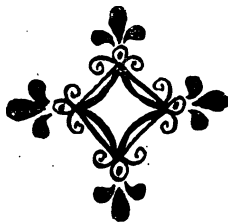
А дальше
В симфонии скорби земной
Я слышу прошедшей войны позывной,
И памяти чьей-то

взрывною волной
Внезапно меня обжигает!
Очнусь я от боли

в горячем виске,
Себя испытаю на новом витке,
От ложного сердце очистив.
Мне снова под силу

упрямый разбег,
Ведь музыку эту

творил человек,
Прозрения миг
продлевая навек,
И не отрекался от истин!

* * *

«...буду флюгером я на крыше,
на ветру.»

Федерико Гарсиа Лорка

Ночь бессильна. Который рассвет
Явлен миру, как вечный мессия...
Вам дано, Федерико Гарсиа,
Знать, что смерти действительно нет.
Знать, что мир, утопая в крови,
На поэтов и не уповаet:
Всё привычней их боль ножевая...—
Пой, хоть горло себе надорви,
Хоть с колен поднимай, утешай,
Заслоняй, как умеешь, собою
И исполнен безмерной любовью,
Отдавай, чем богата душа.
...И в пожарах с листвою говорить,
Плыть над стоном — серебряным звоном,
Боль врачаю волною солёной,
Обожённую птицей парить.
Сам себе выбирая удел,
Приготовься платить головою
За пропетое слово живое
И за верность зелёной звезде.
Произвол ли по сердцу — свинцом,
Безучастье ль толпы многоликой:
Продолжение вас, Федерико,
В том ребёнке со смуглым лицом.
Ваш красивый и гордый народ,
Не сберёгший вас, но не забывший,
Ждёт, что флюгер над старою крышей
В предрассветной тиши запоёт...

* * *

Как я устала от пасмурных дней,
Кажется, зрячею быть перестала,
Столько разумного перечитала:
Главное всё же

не стало ясней.

Но оставляю оседлый уклад,
Рвусь далеко от привычного плена,
И, возвращаясь к себе постепенно,
Вновь обретаю утраченный взгляд.
...Воздух зелёный не смешан с тоской,
Небо — до самых глубин — нараспашку,
И облака по воде, как рубашки,
Смытые с берега где-то

рекой.

Входим в протоку,

не раяя веслом

Лилий раскрывшихся

белую стаю.—

Может, вот так же

из нас прорастая,

Явится доброе миру потом...

* * *

Ступаю наугад. Дышу легко.
Ищу слова,

но всё уже — не ново...

И снова льну доверчиво щекой
К шершавому стволу в бору сосновом.

Здесь хорошо:

так просто быть собой,

Смотреть на мир

открыто и влюблённо

Семи ветров

отчаянный прибой

Высокие раскачивает кроны!

Зелёный шторм ликует в небесах,
Несётся белка

искрою живую,

И волосы впитали запах

хвои

Буквально за каких-то пол-часа.

В СТАРОЙ РИГЕ

В памяти

улицы, площади Риги
Можно листать словно старые книги,
Где на истёртых страницах гравюры
Строгой готической архитектуры.
Вот она, рядом, застывшая вечность,
Нас удивляющая бесконечно
Флюгером звонким, ступенчатой крышей,
Лепкой над тёмной оконною нишей,
Гибкостью вымощенных переулков,
Наши шаги отражающим гулко.
И, наступая на древние камни,
Сотни следов наслоивших веками,
Ты прикасаешься будто случайно
К прошлому города,

к памяти-тайне...

Можно представить:

за дверью старинной
Кто-то сидит при свечах у камина,
Кутая зябко сутулые плечи,
Думает, может быть, тоже
о вечном.

* * *

Загорелые сосны,
Устремлённые ввысь...
Эта, в небо зовущая,
Преданность свету.
И зелёные кроны
Сквозь зиму — до лета,
Словно мудрые души —
Сквозь трудную жизнь.

ПУСТЫРИ

Под весенним дождём

зацвели пустыри,

Поднялись в пестроте осмелевшие травы,

И звенят лопухи, как тугие

литавры,

И цикады трещат до вечерней зари.

Зеленеет кусок беспризорной земли

Здесь, вдали от лесов,

рядом с веткой трамвая,

Дух акаций медовый

под небом окраин

Разметавшимся облаком тает вдали.

Пахнет лугом...

Оживший пустырь — не пустой,

Только глянешь — ответишь улыбкой

невольной,

Сердце дрогнет, как

колокол на колокольне —

Так созвучно природе

с её правотой.

* * *

И в жажду не хочу
берёзового сока.—
Терпением оплачу
нелепую жестокость:
Разбойничьих даров
всей сутью — не приемлю,
Хоть зло, как мир — старо,
в триумфе топчет землю!
И не зимой — весной,
врасплох, как вурдалаки,
Идёт народ честной
испить из раны влаги.
...А дерево замрёт,
зайдясь немую болью:
Скорее упадёт,
но не придёт за кровью.

* * *

Дома ещё глядели
на утро полусонно,
Октябрь опустошённый
додрёмывал в тиши,
А по широкой трассе
стучали дробно кони,
Подёрнутые дымкой,
как будто миражи.
Нечастые машинны
и те сбавляли скорость.
Прохожие застыли...
А кони гордо шли
И через искушённый,
но удивлённый город
Неспешно и надёжно
наездников несли.
Дитя толпы и гула —
такое вижу редко:
«Родные, вороны,
как вас не достаёт!...»
Откуда эта тяга?
Быть может, голос предков,
Коль вот уже пол-жизни
настоячиво зовёт?
...Но что дано кому-то, иному — невозможно.
И кони, как надежды, прошли
и скрылись с глаз.
А рядом виновато
и очень осторожно
Меня толкал под локоть
мой маленький Пегас.

* * *

Для диких голубей

не строят голубятен:

Ничьи они, ничьи,
А значит и не в счёт...

Их голос для иных

тосклив и непонятен,

Нет дела никому,

о чём они, о чём?

Порой на площадях,

но чаще на задворках,

И хорошо, коль есть приют на чердаках...

Нечастой из удач — остатки хлебной корки,

Да семечек чуток

в старушечьих руках.

Их кружит столько над

немилосердным веком

И падает в метель...

Немногим повезёт

Собрать остатки сил

в рывке на новый взлёт,

А после поминать

оставшихся под снегом.

И для чего считать

потери их кому-то:

Не турманы они —

Какая им цена?...

Но небу всех времён

Как истина нужна

Свободой и бедой

сроднённая коммуна.

Внезапно грянула зима
Без увертюр и репетиций,
И хоть под кровом я сама,
Всё думаю: «А как же птицы?».
...Мир сущего за что разъят
На сытость и на чей-то голод?
Неужто поровну нельзя?
Но беспристрастием разя,
Блестит звезды немой осколок.
Метель до ломоты в зубах,
Беснуясь, воеет монотонно...
И что для вечности судьба,
Объявленная вне закона?..
...Под утро зажигаю свет,
Измаявшись виной бессилья,
И шлёпают ступни босые
к окну, как будто в нём ответ.
Молчу: что толку-то от слов?
Их тоже кто-то заморозил.
...Рябины донорская кровь
Запёкшейся краснеет гроздью.

Наверное, стареем.
И никуда не деться:
Всё реже снится детство,
Где мир вокруг добрее.
Всё реже замечаем
Особенные звуки,
Что раньше различали,
Не напрягая слуха:
Сопение щенячье,
Пчелиный гул у вишен...
Неужто слух утрачен,
Коль слушая, не слышим?
...А может быть, с годами
Нам слышится иное:
Как отзвуки Цунами —
Житейские прибои!
Врывается всё чаще
В уютные квартиры
Тревогою звучащий
Вселенский гул эфира.
...Грома гремят — не спится,
Ребёнок плачет — мука,
И единица звука —
Слеза с его ресницы.

* * *

Из имени МАРИНА	слагается РАНИМА...—
Невелико открытье,	что уловил мой слух.
И всё же — не случайность,	что так соединимы
Печальное с прекрасным,	улыбка и недуг.
МАРИНА и РАНИМА...	О, как это похоже
На заморозки мая,	когда в цветенье высь...
И всё-таки доверье	в том оклике:—«Прохожий!»,
И всё-таки надежда	в её — «Остановись».

* * *

Над каждою твоей строкой,
Что сквозь тоску и непокой
Была пропета...

Десятки глаз
И сотни глаз,
Родных порой,
Чужих подчас,
К тебе,

что к свету.

И пониманья горечь-дрожь:
Преодолев утраты,

Ложь,
Чужбины стужу,
Спасённый
Гордый твой огонь,

Твой смех
И твой негромкий стон —
Стучатся в души!

А соловьиный гром в ночи —

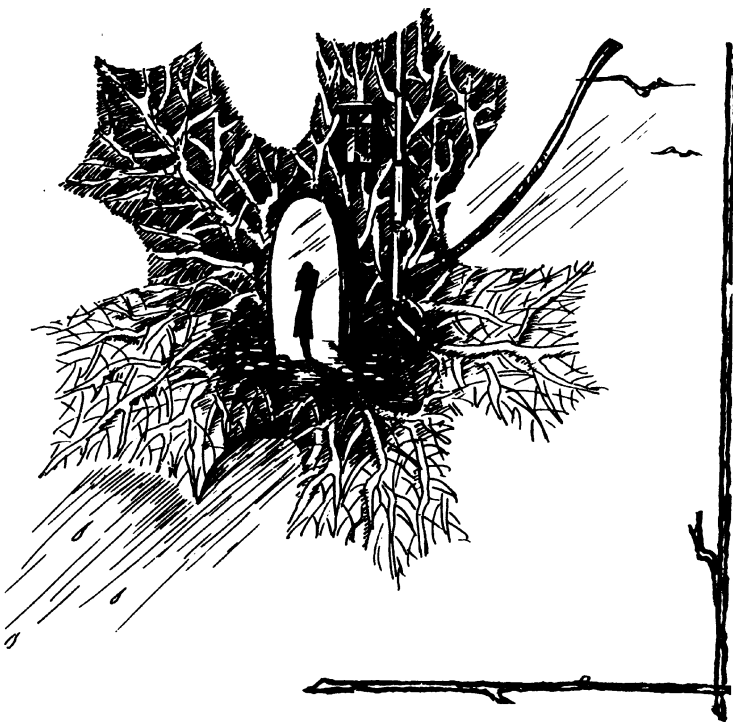
Как и тогда
Сейчас звучит,
Тебе, Марина!

А мы, рождённые потом,
За тех, других,
К тебе идём,
С повинной.

*

Ирине Гатовской

Что-то дожди зачастили прощальные,
Словно хотят, чтоб «нелётная» выдалась.
Были-то рядом — а вот ведь не свидетелись
Наши глаза, наши души недалёкие.
Что не сводило нас волею случая,
Толку печалиться, мудрствовать, сетовать...
Дай Бог не ветра — попутного света вам,
Чтобы не в тягость чужие созвучия.
Пусть не Содомом, а домом запомнится
Наше до воя — глухое отечество:
Общая музыка у человечества —
Этим утешимся, ею наполнимся.
Кто — дирижёром, а кто — исполнителем:
Жизнь поменяет местами и сроками,
Только бы не умаляли высокого
В этой земной, поднебесной обители!
Только б смычку не сломаться в сомнениях,
В чьих-то, нездешних укладе, обычаях.
...Вслед за молитвой звучит — во спасение
Вам, улетающей Рондо Каприччио.

**Сезон туманов
и дождей**

Не знаю: возможно, совсем ни к чему
Раненья смертельные — словом лечить...
Тем более, если едва ли поймут,
Хоть, вроде, и слушают...
Что ж, помолчим.
Давайте молчать, как доныне могла.
Простите, забыла немой уговор,
Где право дано — закусить удила.
И незачем — всплески, сумятицу, вздор.
Излишня подробность живых мелочей...—
Всё ясно и так? Дай-то Бог. Хорошо б.
Молчу. За молчаньем — бессонных ночей,
Догадок, прозрений жестокий озноб.
Я стольким об этом боялась... Боюсь
И тех, для кого откровенья — ни в грош,
Как будто осколков бессмысленный груз:
Здесь больше сгодились бы чушь или ложь.
...А мне суждено понимать и внимать
И слышать — и бед отголосок, и бред,
И не экономить души и ума
На ближних и дальних, летящих на свет.
А время души задувает свечу:
Молчишь, говоришь ли — потом переврут,
Когда обнаружится, что поутру
Уже не откликнусь.
И так намолчусь.
И словно — не только прижизненный — крест,
До горькой улыбки — знакомый сюжет:
Где в эхе, летящем до самых небес,
Я буду вас слышать...
А вы меня — нет.

* * *

Опыт прошлого не спас.
Ничему не научилась:
Приручая, приручилась
К пониманию этих глаз.
Не бунтую, как всегда:
Все слова — нелепый лепет...
Сотню лет за это лето!
Но мудрее поезда,
Уносящие в рассвет
Все несбывшиеся песни.
...Я смотрю светло и честно
На смятение в ответ.
Ты твердишь: «Не навсегда...»,
Только сердце больше знает
И тебя запоминает,
Чтобы выжить в холода.

* * *

Себе

тебя не назову,
Ни шёпотом, ни сердца стуком...
Я так неправильно живу,—
Зачем тебе такая мука?
И равнодушьем обману
Твой зоркий взгляд,

и ты согласишься..

Мне вспять земли не повернуть,
Как не закрыть
открытой двери.

Тебя

себе не назову:
Колодец есть, да не напиться,
И отраженье-синева
Не потревожить, словно птицу,
Чтоб горечь не сорвалась с губ,
Не растворилась, отравляя...
Но уходя поглажу сруб:
К нему ещё придёт другая.
Такое солнце надо мной,
Что горизонт оплавлен зноем,
А тот колодец за спиной
С нетронутою синевою...

* * *

Что делать с нежностью,
когда она —
Необъяснимого тепла

волна,

С оттенком чистого аквамарина...

Что делать с нежностью,
ни в чём не винной?

...Что делать? Праздновать иль горевать?

Как быть? Отчаяться иль уповать?

И смелость дерзкая,
бледна от страха,

Стоит на паперти, что станет плахой.

Не обрета ещё, уже терять,

А значит маяться,
светиться зря,

Смотреть во след душе,
летающей мимо.

Что делать с нежностью,
скажи мне, милый?...

А В Г У С Т

Ещё не близко поступь холодов,
Ещё на сердце ясно и отрадно.
...Свершает август вечные обряды
С языческой щедростью садов.
Вобрав тепло сгорающего дня,
Мерцают яблок солнечные сгустки.
Но этот терпковатый привкус грусти,
Он по пятам преследует меня.
От памяти в бессмысленных бегах,
Во власти у недолгого покоя,
Расслабившись, глаза на миг закрою
И повитаю где-то в облаках.
...За всё, что в жизни выстрадано мной,
Не жду ни утешений, ни награды.—
У августа красивые обряды
И ветреные крылья за спиной.

* * *

В самые-самые трудные жизни минуты,
Я обращаюсь к тебе,
удивительный самый...
Снова и снова
стремлюсь к постижению сути
Памятью всею
и прежними вижу глазами,
Как я взлетаю внезапно
над собственной мукой,
Как согреваюсь теплом
незаметного взгляда...
Вижу склонённую голову,
чуткие руки,
Песни и волосы
цвета поры листопада.
Было ли, было ли?
Праздник, моё воскресенье!
Видел ли втайне
и знал ли, что всё это значит?
...Странная девочка, — думал ты, —
ищет спасенья
В жизни, с которой в разладе
покой и удача.
Будто нечаянно —
тихо лечил мои раны
Добрыми песнями, дивными в чём-то речами,
Полуулыбкой,
которой не видела равных...
Жаль, что нельзя
повторить мне всё это сначала.
Но... твой отлёт
совпадал тогда с птичьим отлётом,

* * *

Рисует осень.
На холсте лесов
Она несмело делает наброски
И желтизной,
Пока ещё неброской,
Касается доверчивых листов.
А день, как миг,
Окрашен новизной,
Предчувствием морозного дыхания,
Пустых полей щемящего молчанья
И перемен, творящихся со мной.
В нантии бесстрашна и тиха,
Где между облаков бледнеет просинь,
Художница рисует чей-то профиль,
Знакомый мне до каждого штриха.

«Хочу я быть поддержкою
в печали,
Хочу помехой в радости
не быть.»
Л. Якушева

Тебя в часы сомнений и печали
Простой догадкой осенит едва ли:
Прийти ко мне.
Не объяснять, молчать...—
Я всё пойму, не оскорбив вторженьем
Души твоей
И даже в утешенье
Советами не стану докучать.
...Есть в разделённой горечи и смуте
Какие-то особые минуты,
Далёких судеб общий камертон...
Пусть даже отвлеченной болтовнёю
Ты заглушить пытаешься больное,—
Ты чьим-то пониманьем защищён.
Не к моему —
Пойдёшь к другому дому,
Привычному скорей, а не родному,
Где лишь наполовину понят ты.
...И возвращаясь через лепет сада,
Вдруг ощутишь со странную досадой,
Что зря себя спасал от немоты.
И полон то ли злостью, то ль обидой,
На собственные веру и открытость,
Решешь, что бесконечно одинок.
...Как жаль, что ты и сам порой
не слышишь,
Кому нужней ты и безмерно ближе,
Как и не слышишь странный мой упрёк.

* * *

В единственной жизни,
что длится без права повтора,
Мы так безнадежно
надёжно с тобою разъяты,
Несхожестью будней,
пристрастием пристальных взоров,
Зарубками болей —

и в этом мы не виноваты.

...Ты в деле по горло.

Ты вечно торопишься очень,
И словно с последней площадки
шального трамвая,

Лишь промельком беглым
заметить едва успевая
Меня среди тех, кто стоит
по краям, у обочин.

Хотел бы взглядеться,
да темп не решаешься сбавить,
И мало ли что там, в глазах моих —
вздор, да и только,

А встречу случайно —
ответчу и едко, и колко,
Чтоб горько сполна. Чтоб нельзя уже было
поправить.

...Сейчас ли, потом ли —
всё будет вот так же
нелепо,

И здравому смыслу
тебя упрекнуть будет не в чем,
А солнце расплавит
в сугробе ступни моей слепок,
И стихнет мой голос,
не самый заметный,
но певчий...

* * *

Не бойся, печаль моя, я ухожу,
Избавив тебя от мольбы и упрёка,
Я делаю это незримо, до срока,
Пока отчуждение метит межу.
Пока ты гадаешь: впустить — не впустить,
Строптивую держишь меня за порогом,
Без всяких пророков я знаю итоги,
И опыт торопит. И надо идти.
Ты сам себе царь-государь удалой
И слушать крамольных речей не желаешь,
А тут эта странная, дерзкая, злая
Тебя напрягать заставляет чело...
Ни слова, ни света не надо в ответ,
И к лучшему даже твоё недоверье.
Всё ищешь предлог, чтоб оставить за дверью,
За коей давно никого уже нет...

* * *

Что толку в сотне мудрецов,
Когда сомненья вдруг подступят,
Когда поймешь в конце концов,
Что тот, единственный,
не любит.

Бессильны верные друзья —
За пониманье им спасибо,
Но боль у каждого своя
За мнимой лёгкостью улыбок.
И дом как крепость не спасёт,
Лишь на окно, как на распятыё,
Слепая полночь упадёт,
Шепча нелепые заклятья.
И через горестный рубеж
Ты сам
устало и бескрыло,
Познав крушение надежд,
Шагнёшь с беспомощною силой.
И станешь твёрже и добрей,
Ступив в иное измеренье,
Чтоб ощутить ещё острее
Тепла и преданности цену.
Ведь всё равно прольётся свет
Сквозь непогоды сомнений чёрных,
И сам ещё начнёшь жалеть
Не любящих, не прирученных.

* * *

К зарёванным стёклам прильнувшая осень
Мне так понимающе смотрит в лицо...
И вот я за дверью, без лишних вопросов
На плечи набросив своё пальцецо.
Отчётливый контур

размашистых веток,
Вкрапление красного в хаос листвы,
И кто-то, ушедший в сумятицу лета,
Не хочет мне вслед повернуть головы.
Боится опомниться.

Я это знаю.

Назад не зову, но большее в стократ
От неповторимого слова «родная» —
Я с ветром его отправляю назад.
Как взятое в долг — возвращаю признанья:
Они не причастны сегодня ко мне,
А вечер полоской заката изранен,
И тает листва в равнодушном огне.

* * *

Когда-то не боявшийся потерь,
Ты от свободы всё-таки устанешь,
И вот, на зов тепла былых пристанищ
В мою невольно постучишься дверь.
Но мой добряга-пёс —

неумолим —

Уже не прыгнет на твои колени.
И в прошлом где-то,

в гулком запустеньи,

Ответит эхо именем моим.

А на любимом месте, у стола,
Почти не изменившаяся с виду,
С уже переболевшею обидой,
Я буду равнодушно-весела.
И, не боясь касания руки,
В расколоте,

глухом оцепеньи,

Две чуждые навек друг другу тени
Застынут, бесконечно далеки.

И музыки смятенное крыло

Лишь обострит утрату пониманья...

Я выхожу из полосы тумана:

Бессилье ожидания — прошло.

* * *

В какой-то миг
ловлю себя невольно
На том, что безнадёжно и небожно
Во мне сгорают нежности слова...
Мне эта неприкаянность знакома:
В ней эхо прокатившегося грома,
Сиротство кем-то брошенного дома
И удивленье, что ещё жива.
Жива ещё, а значит, есть заботы, —
Душа, как переполненные соты,
Хранит в себе познания горький мёд.
Нежадная, я им боюсь делиться —
Зачем свою печаль на чьи-то лица?
Пусть светлое неведение продлится,
Пусть дольше в ком-то музыка живёт...
Грохочут ливни в трубах водосточных,
Земля похожа на ковчег непрочный,
Который очень хочет уцелеть,
А в комнату, где тесно от сомнений,
Приносит ветер запахи сирени
И вновь пыливо ищет продолженья,
Листая дальше книгу на столе...

Быть может, вправду слепота
Меня от мира отделила,
И я — не прежняя, не та,
Что верила, ждала, любила?
И что же умерло во мне
Необходимое, живое?
И дни тревог по чьей вине
Чернеют выжженной травой?
...Вот только листопад несёт
Мне ворох позабытых писем
С тем ветром, что летит вперёд,
И одинок, и независим.
Сажусь на мокрую скамью
И книгу-память открываю,
И вспять листая жизнь свою,
Я незаметно прозреваю...
Вот вижу прежнюю себя,
Но только будто бы иначе.
Как жаль, что больше не любя,
Я меньше верю, меньше значу.
Настало то «когда-нибудь»,
Что так давно казалось дальним:
Вот этот день, пустой, печальный,
А позади «неверный» путь.
Назвать ошибкой столько лет
И лучшую себя, такую,
Которая и боль и свет
Несла, печалась и ликуя!
Ту девочку, что мной была,
Как-будто младшую подругу,
Я мысленно беру за руку,
Чтоб уберечь её от зла...

* * *

Невесомая чайка
над полднем солёным
И над старым причалом
парит отрешённо.
Вскрик её безутешен,
полёт неприкаян,
В мире вечном и грешном
кого окликает?
...Мне бы каплю покоя:
забыть об утратах
И оставить былое,
не вина виноватых.
Только вскрикнет невольно
усталая птица,
И откликнется болью
всё, чему не забыться.

ПРОЩАНИЕ С МОРЕМ

Едва ль следы мои хранит песок...
Я помню моря смешанные краски,
Шум сосен и
прибой у самых ног,
Прощанья миг,
несправедливо краткий.
Спасибо, море!
Через сотни вёрст
Я вглядываться буду молчаливо
Зрачком одной из тысяч
дальних звёзд
В шторма твои,
приливы
и отливы...

* * *

Уходит день
неторопливым шагом,
После дождя
сиренево и мглисто...
Рапсодия задумчивая Листа
Струится с листьев
свежестью и влагой.
А хрупкий мир,
доверившийся звуку,
Постигший вновь гармонии законы,
Заслушался устало,
отрешённо
Перед броском
по бешенному кругу.

* * *

Уже пора прощаться с летом:
Как бы отсчитывая дни,
В тиши продрогшего рассвета
Прислушайся, похоже где-то
Печальный колокол звонит...
И вот дурманящая осень
В свой неустроенный уют
Зовёт...

А мне б дела забросить
И побродить у старых сосен,
Где сны предзимние живут.
Но забытьё ведь —
 не забвенье,
Как день один —
 не целый век,
И листопад —
 не утешенье,
Скорее —
 головокруженье,
Предчувствие, что скоро снег...

СЕЗОН ТУМАНОВ...

Сезон туманов и дождей...
Его дыханье непременно
Уловят чуткие антенны
Листву утративших ветвей.

И от костров далёких дым
Рассеет над землёю ветер...
И в призрачном туманном свете
Весь мир покажется иным.

Как сквозь ненастное окно,
Глядят глаза, не узнавая,
...А где-то музыка играет,
Как сон, забытая давно.

Средь близких и чужих людей,
Среди надежд, забытых нами,
Незримо бродит наша память
В сезон туманов и дождей...

* * *

Не сравнивай меня ни с кем,
Не сравнивай меня ни с чем:
Я — только маятник ночей
От пропасти
на волоске...

* * *

Спасибо, что не пощадил
Меня отвагою минутной,
Не заронил надежды смутной,
Лишь сто сомнений подтвердил.
Спасибо, что иду сама
Без той, сомнительной опоры
И больше не схожу с ума
От безысходных наших споров.
Тянулись бы, что канитель
Былая пытка междометий..
Твои уходы от ответов
И в ожиданьи бред недель.
...Теперь же вижу твой вопрос
В растерянном, несмелом взгляде —
Неужто просишь о пощаде,
Что мне изведать не пришлось?..

* * *

Повторенье конца — я заранее знала:
День, похожий на тот, что запомнился мне —
Мир бежал от меня,

я от боли бежала,
И дрожали леса в предосеннем огне.

Умирая, рождаясь и вновь

умирая,
Ухожу, возвращаюсь и
снова бегу.—

Жить иначе в который уж раз собираюсь:
Обещаю забыть, а забыть
не могу.

...Наблюдая прощанье деревьев с листвою,
Это мудрое действие запомнить хочу,
В сотый раз постижению мира учусь,
Но урок никогда до конца не усвоить...

Листва летит со снегом вперемежку...
Монетку в осень брошу

словно в море,

Замечу краем глаза — кверху «решкой» —

Итог, развязка, разрешение споров.

Чужой ребёнок, глянувши лукаво,

На медячок подошвою наступит:

Ему-то что?

Какое дело, право,

До странностей моих.

Его-то любят...

* * *

Пребудешь горестным уроком
Моей душе, едва живой,
Как этот ветер штормовой,
Как небо в солнечных ожогах.
Пребудешь солью на губах,
Любимой нашею пластинкой,
Где как судьба, поёт труба —
Сегодня слушать, что поминки
справлять по птичьей высоте
И по рассветам безоглядным...
Но надо ли о двух, о тех,
Когда оплавлены досадой
Былое слово, взгляд былой
И откровения святые,
Коль души судоргой свело,
И чёрен день, как при Батые?
...И без меня твоя дорога
Пусть не окажется кривой,
Мой бывший ветер штормовой,
Не уберёгший от ожога.

* * *

Долистывай скорей, поторопись,
Нелепую, неясную такую,
Мою, так называемую, жизнь:
Её сама давно не берегу я.

Ты от неё устал наверняка —
Чужих азов проклятая морока
Не будоражит жилку у виска
И не пронзает пониманья током.

Не в прок слова и сто моих наук,
Коль можно безболезненней и проще,
Не напрягая зрение и слух,
Запить, забыть, о чём там совесть ропщет

И можно жить, кромсая годы вспять,
В упрямстве и бесчувствии убогом,
Не думая, что в чьём-то эпилоге
Не будет даже строчки про тебя.

Не приручай собак бездомных,
Когда не в силах приютить:
Недолгое тепло запомнив,
Они — в бездомье — станут мстить.
Тебе,

другому

за преступность

Такой случайной доброты.

Не так страшны жестокость, тупость,
От коих сразу ждут беды.

...А вот ладонь на лбу собачьем

И боль в слезящемся зрачке —

Как бы — надежда на удачу,

Спасение на волоске.

Ещё не веря,

верят всё же,

Прикрыв глаза,

Чтоб не спугнуть

Ни взглядом, ни ознобом кожи:

Что делать — опыт настороже,

Ведь можешь, можешь оттолкнуть.

...Они — скитальцы поневоле,

Бродячий символ горькой доли,

Предательств чьих-то и обид...

И если ты помочь не в силах

Какой-нибудь продрогшей псине,

Ступай себе!—

Она простит.

* * *

Ступай себе, ступай

в свой ярмарочный рай,
Живи себе, живи — у прихотей невольник.
И впредь не уповай на бывшее вчера:
Лишь поминальный звон на старой колокольне.

Там памяти угар гоняют сквозняки,
Там птицы по утрам отыскивают зёрна..
Звонарь колокола клянёт за языки,
А сам смутьян, бунтарь и бит за непокорность.

Он с правдою своей — пусть пропадёт, умрёт,
Бессонницами пьян, но он тебя забудет:
Иудин поцелуй отчаянно сотрёт
И будет видеть даль,
не замечая буден.

А ты ступай, живи — угодником себе.
И всем иным мастям годящийся в услугу,
Перебирай свой хлам на кочевой арбе
И в сребренниках грей
непреющие руки.

Все оправданья — прах. И как ни мельтеши,
Вовек заказан путь тебе на колокольню... —
И, как ни странно, но
звонарщик, вроде, жив.
И, как ни страшно, но
ему уже не больно.

* * *

Не узнавай меня в толпе,
Не узнавай — так будет лучше:
Оставь себе благополучье —
Лишь это по плечу тебе.

По имени не окликай
Тобой израненную душу.
Мне зов случайный твой не нужен
Ни ныне, ни через века!

...Ты так, наверное, устал
От вечной пытки — раздвоенья,
Что даже наше отчужденье
Считать ошибкой перестал.

Порой, не веря сам себе,
Ты хочешь всё начать сначала...
Но чтобы этого не случилось,
Не узнавай меня в толпе.

* * *

...А сумасшедшее вино,
Как неотступную вину,
Не тщишь допить, ведь всё равно,
Мой Каин, ужаснёшься дну.

На дне не бездны полный мрак —
Там страшный свет, в котором ты
Себе — никто, а брату — враг
Да тень свершившейся беды.

И пей — не пей, сходя с ума,
Кидайся в радость мелочей:
Душа, как нищего сума,
Не станет птицею ничьей.

...Чёрт с ней с виной!

Да и с вином

Предайся будням и делам.
Живи, забывшись тяжким сном,
До поминального стола...

* * *

Как в полуразрушенном городе древнем,
Где сорваны листья ветрами с деревьев,
Где время уходит

сквозными дворами,
Во мне — моя память...

И многое, кажется,
было иначе:

Удачами виделись мне
неудачи,

Чужие — друзьями,
провалы — дорогой,

Я — не одинокой.

* * *

Дождь с самого утра... До горизонта — дождь...
Сплошной, как пелена холодного тумана.
И, будто не ко мне, звонка дверного дрожь:
И точно — никого. И дивно, что не странно.
Не странно сознавать, как из небытия,
Где маета тревог — бесплотною химерой,
Что силуэт в окне — не мой, что я — не я...
И лишь ладони жжёт от вёсел на галерах.
Но даже тело, жест — уже почти фантом,
Когда душа в дожде другим владеет зреньем
Так, словно сожалеть устала о былом
И вся растворена в ненастье предосеннем.
...Беда иль благодать — побыть сквозным,
иным,
Не помня ни обид, ни споров окаянных,
Не ждать и не желать
под этим проливным,
Размывшим горизонт, как берег океана...

* * *

Я знаю: в трудные минуты
Мне нужно не врагов страшиться,
А за спиной такие лица!—
Вовек не распознать иуду...

* * *

На время нечего пенять,
Коль больше незачем и не о чем:
К чему убийственные мелочи,
Раз попросту — не до меня.

Так, словно выждав тяжкий срок
Удушья, засухи, бессилня,
Под нареканья постылые
Вы устремились за порог...

Возможно ль — ложно сострадать,
Мои случайные, вчерашние?
Под небом вечным
жизнь не страшно вам,
Не дорастая до стыда?

* * *

Казалось бы — не привыкать
К своим и чьим-то частым бедам,
Их было столько, что сказать
Нельзя банальнее об этом.
Но каждый раз, как в первый раз:
Настигнет боль — острее прежней —
Когда осиротеет в нас
Ребёнок тот, чьё имя — Нежность.
Незащищённость чистоты,
Как приучить тебя к утратам,
К уменью распознать черты
Врага, что так похож на брата?—
...Вот так живём. И нет брони
У сердца нашего от боли,
Пока не протрубит горнист
Для нас последнего отбоя.

* * *

Твержу: «Не уповай...» Учусь,
Пытаюсь жить, не уповая.
И тем, кто близко подплывает
«Спаси» — уже не прошепчу.

В иных глазах такой испуг
Инстинкта самосохраненья!
В иных вина недолгой тенью
И отречение от порук...

А кто-то, руку протянув,
Порыв не соизмерив с силой,
Рванётся вспять, чтоб отпустила!
И отпущу,
идя ко дну.

Спасатели перевелись —
Нет, чтоб на зов подплыть и спину
С великодушием дельфина
Подставить молча,
мол, держись.

...Ну разве кто-то виноват,
Что захлебнувшись,
только в божьей
Ты ищешь веры и подмоги?...—
Не потому ль ещё жива?

ИЗ РАИСЫ БАРАВИКОВОЙ

Жизнь, эта жизнь — ночей и дней поток!
Вершу тебя иль ты вершишь мой образ?!
Усталому подчас даёшь глоток
И первых — вдруг — сбиваешь с ног недобро.

Постигла я твоё добро и зло
И отличаю правду от обмана,
Взяв за основу, что давно прошло,
Я будущее вижу, как ни странно.

Ты лишь в одном не сможешь мне помочь —
Постичь простую истину — не просто:
О чём вчера я плакала всю ночь
И почему стыжусь сегодня
слёз тех?!

Перевод с белорусского

Привыкли жить в быту несытом,
Открыты, замкнуты и биты
За неуменье не любить,
За то, что дверь не запирали
Нас обирали, забывали
Водой живою окропить.

Уже забыли наши руки,
Как чьи-то преданные слуги,
Что были некогда они
Такими сильными крылами,
И мы иными были сами
Блаженным умницам сродни.

Теперь среди чертополоха,
С надеждой смутною на бога,
Верны упряжкам дел и мук,
Как счёт, не предъявляем раны,
Не кающимся, окаянным,
Порвавшим круг из наших рук.

Но вдруг — случайностью ль, судьбою ль,
В час сумасшедшего прибоа
На нашем гиблом берегу
Упрямицам, согнувшим спины,
Ни в чём пред нами не повинный,
Целует руки пуше губ.

И пусть неистребимы тени,
Пусть не обещано спасенье,
А впереди небес провал,
Но не забыть в заносах снежных,
Что было — огненный мятежник
Нам — дурам — руки целовал.

* * *

Почти всегда не ко двору,
А чаще, попросту — не к стати,
Душа в неведомом заклятье,
Как тот огарок на ветру.
Горю, спораю и мечусь
И чувствую уже не кожей,
А всею сутью непохожей,
Что высшей мерою плачу.
Плачу полынною судьбой
За нелюбовь и невозможность,
За всё, что чисто и неложно,
За право просто быть собой.
Мне — безучастье чьих-то спин,
Мне — все наветы лицемеров,
Но, Господи, оставь мне веры
И неотравленных глубин.
...Не самый стойкий из солдат
И, к счастью, не оловянный,
Я, выпавший мне жребий странный,
Не возвращу тебе назад.
Уже оплавилось, срослось
Пережитое с изначальным,
Всё не моё — прошло случайно,
А неслучайное — сбылось.

* * *

Словно смирясь, лето дышит на ладан,
Ломятся стылые ветры во мглу,
Если б имела, зажгла бы лампаду,
Чтоб до рассвета горела в углу.
Если б умела невнятные чьи-то
Переложить на молитву слова,
Был бы и подлинник жизни дочитан,
Чтобы смиренней принять Покрова.
Если б умела, мостов не сжигая,
Всё бесконечно и вечно прощать,
Птицей уставшей, отставшей от стаи,
Долю снегов постигать не ропща.
Если бы знала: за что и во имя —
Верой воистину укреплена,
Не оскорбляясь словами пустыми,
Уразумела бы нечто сполна...
Если бы не задыхаться от ветра,
Превозмогая былую тщету... —
Только, о Господи, кто мне ответит,
Чья это тень на горящем мосту?

* * *

Сожжёт октябрь мои черновики...
Не стану переписывать их набело:
Поводья время вроде бы ослабило,
Но нету сил и, вроде, не с руки.
Как в древность у язычников, костёр
Бесстрастно примет это приношение:
Высокое и всё несовершенное,
Мажорный лад и откровенный вздор.
...В дым обратится сор нелепых ссор,
Былая зелень — закружится охрою,
Звезда сорвётся от ненастья мокрая
Последней каплей в стынувший разор.
И белым флагом ветры декабря
В седое небо вскинутся неистово
И набело напишут, чище чистого,
Азы основ за истину беря.

* * *

Что было, и то не сполна разумеем,
Так где уж нам знать всё, что станется позже...
Пусть губы обидой былою немеют,
А солнце уже проявилось на коже.
Ещё за спиною маячит, морочит
По-мартовски слякотный облик обмана
И как фотоплётки засвечены ночи
Рассветом, плывущим в беспамятстве
странном...

Отпущено воли душе — без предела
Метаться беспомощным в крике подранком...
По городу шляется падший твой ангел,
Куражась в бессилье... А что ещё делать?
— Не скоро, я знаю, беду перемелет
С надсадой и болью вертящийся жёрнов,—
Отчаянье, может, залечим апрелем,
Отмаемся маем, беспечным и вздорным.
...Играет оркестрик весёлые марши:
Наука жестокости — вечно не к стати,
И надо бывшее — в огонь, словно платье:
Отныне повыше душа и постарше.
Не всё, о чём пелось,

отныне — отпето

И не утешает нас «время рассудит...»,
Но жизнь побеждает надеждой и светом,
Надеждой и верой, в которых пребудем.

Над пропастью зала, у краешка сцены
Трепещет и рвётся дыханье, как пламя,
Глубинного голоса вскрытые вены
Метель не скрывает своими бинтами.
С печалью вселенской — ни спасу, ни сладу
Сквозь мрак разобщённости и равнодушья.
...Но вот понимание — лучшей наградой
От тех, кто так верил и пристально слушал,
Свечение глаз в сопричастье накала,
Тепла и доверья счастливейшей муче...
И, кажется, жизнь — это только начало
И родственных душ круговая порука.
Слетает усталость, взлетает улыбка
И свет озаряет тот дом при дороге,
Что знает сомненья, обиды и всхлипы
И бури, что ведомы очень немногим.
Уж если и есть в бесконечной Вселенной
Какая-то жизнь и разумные лица,
В эфир нужно выпустить голос Елены
И можно без слов сквозь века объясниться!
Его лишь глухому вовек не услышать...—
А ныне душою и вещей, и зодчей
Она над землёю пульсирует, дышит,
Зовёт, умирает, и
 снова хохочет...

* * *

Держи меня, Музыка, спасай меня, Муза,
От памяти — нежной и грешной обузы,
От своры сомнений, летящих в погоне
И отсветов близких осенних агоний.
От умников серых с апломбом Пилатов,
От фальши друзей, что обмана не слаще,
От логики сытых, что хуже пропащих,
От злых отречений вчерашнего брата...
Спасайте мелодией, звуком ли, словом:
Вам ведомы тайны гармонии вечной,
Что я проглядела порою беспечной,
Но грянуло время иное сурово:
От наших страстей — лишь подобье

окалин,

За мудрость заплачено жизни с лихвою,
Но словно свидетельство мира живое —
Апрель, что как Моцарт, летит —

гениален.

...У праздников света — короткие сроки.
И музыка стала печальней и строже,
Но если душа не удержится всё же,
Пусть лучше сорвётся на ноте высокой...

СОДЕРЖАНИЕ

ДУША И ГОЛОС

Похоже на то, что за тем и пришли...	3
Я не боюсь беславья, маеты...	4
Няни	5
Проталины	6
Преодоление	7
Я перед вами, братья по перу...	8
Пониманье без участия...	9
Меркуцио	10
Я верить пытаюсь...	11
В поединке с недобрым...	13
Маме	14
Вот оно время...	15
Сквозняками простуженный двор...	16
Памяти Анны Светличной	17
Орган	18
Ночь бессильна...	20
Как я устала от пасмурных дней...	21
Ступаю наугад...	22
Когда нас создавал Всевышний Отче...	23
«Вот нехристи!»...	23
В старой Риге	24
Загорелые сосны...	25
Второпях, на бегу...	26
Слова находятся неожиданно...	26
Пустыри	27
И в жажду не хочу берёзового сока...	28
Дома ещё глядели...	29
Для диких голубей...	30
Внезапно грянула зима...	31
Наверное, стареем...	32
Ослушница перед землёю и небом...	33
Из имени МАРИНА...	34
Над каждою твоей строкой...	35
И. Гатовской	36
Не знаю: возможно, совсем ни к чему...	37

СЕЗОН ТУМАНОВ И ДОЖДЕЙ

Опыт прошлого не спас...	38
Себе тебя не назову...	39
Что делать с нежностью...	40
Август	41
В самые-самые трудные жизни минуты...	42
Рисует осень...	44
Тебя в часы сомнений и печали...	45
В единственной жизни...	46
Обида	47
Не бойся, печаль моя...	48
Что толку в сотне мудрецов...	49
К зарёванным стёклам...	50
Когда-то не боявшийся потерь...	51
В какой-то миг...	52
Быть может, вправду слепота...	53
Невесомая чайка...	54
Прощание с морем...	55
Уходит день...	56
Уже пора прощаться с летом...	57
Сезон туманов	58
Не сравнивай меня ни с кем...	59
Спасибо, что не пощадил...	60
Повторенье конца...	61
Листва летит со снегом...	62
Пребудешь горестным уроком...	63
Долистывай скорей, поторопись...	64
В бесконечной ночи...	65
Не приручай собак беездомных...	66
Ступай себе, ступай...	67
Не узнавай меня в толпе...	68
...А сумасшедшее вино...	69
Как в полуразрушенном городе...	70
Дождь с самого утра...	71
Я знаю: в трудные минуты...	72
На время нечего пенять...	73
Казалось бы — не привыкать...	74
Твержу: «Не уповай...»	75
Из Раисы Баравиковой	76
Привыкли жить в быту несытом...	77
Почти всегда не ко двору...	78
Словно смирясь, лето дышит на ладан...	79

Сожжёт октябрь мои черновики...	80
Что было, и то не сполна...	81
Елене Камбуровой...	82
Держи меня, Музыка...	83

Селиванчик Т.

С 55. Маятник ночей: Стихи (Татьяна Селиванчик) — Харьков, 1996 — 88 стр.

ISBN 5-7055-1005-5.

Окружающий нас мир во всей полноте его света и трагизма — вот суть и внутренний ритм стихов Татьяны Селиванчик. «Маятник ночей» — вторая книга молодой поэтессы. Ей присущи стремление понять другие души, жажда быть понятой другими, отстаивание истинных, непреходящих, вечных человеческих ценностей.

С $\frac{4702010202-02}{M 217(05)-96}$ без объявления

ББК — 84Р7 — 5

Литературно-художественное издание

Селиванчик Татьяна Степановна

МАЯТНИК НОЧЕЙ

Стихи.

Редактор — *И. Н. Глебова.*

Художники — *И. В. Давыдова, Т. П. Гергель.*

Технический редактор — *А. М. Пулянь.*

Сдано в набор 1.03.1996 г. Подписано к печати
24.07.1996 г. Формат 70×100^{1/32}. Бумага типографская
№ 2. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Печатных листов 5. Тираж 1000. Заказ 70. Цена
свободная.

ЗАО «Харьковская типография № 16»
310003, Харьков, ул. Университетская, 16.

Татьяна
Селиванчик

